

ГЛАВА 3

ДВА ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ

Наверное, вы уже поняли, что мир юношеских шахмат — убийственный мир. Каждый год тысячи девочек и мальчиков ставят все на карту, и каждый верит в то, что сможет стать лучшим. Слава — очень мощный стимул. Но мечты неизбежно развеиваются, сердца разбиваются, надежды большинства участников не оправдываются, поскольку на самом вершине места очень мало. Конечно, примерно ту же картину можно видеть в любой сфере деятельности, где происходит борьба амбиций. Спортсмены в Малой лиге мечтают играть за свою команду в Высшей лиге. Ребята, бросающие мяч в кольцо на школьном дворе, мечтают быть похожими на Майка¹. В мире актеров и музыкантов тоже властвуют завышенные ожидания, острая конкуренция и очень мало реальных возможностей.

Спрашивается: во-первых, какими особыми качествами обладают те, кто сумел воспользоваться немногочисленными возможностями и достичь вершины? А во-вторых, зачем это делать? Для чего стремиться к совершенству, если в конце пути, скорее всего, ждет разочарование? С моей точки зрения, ответ на эти вопросы можно найти, применяя хорошо продуманный подход, поощряющий гибкость, способность выявлять связи между разнообразными занятиями и стремление получать удовольствие

¹ Майкл Джордан — американский баскетболист. *Прим. пер.*

от своего дела. Большинство мотивированных людей, молодых и старых, неверно выбирают подход к обучению — и, глубоко разочарованные, они оказываются на обочине, в то время как продолжающие добиваться успеха твердо держатся своего пути.

Специалисты в области возрастной психологии провели широкое исследование влияния подхода к обучению на способность учиться и усваивать материал. Ведущий исследователь в области возрастной психологии доктор Кэрол Двек указывает на различие между двумя концепциями интеллекта: теорией *заданности* и теорией *приращения*. Дети, которых родители или учителя научили мыслить в духе теории заданности, склонны использовать такие обороты, как «у меня к этому талант», и приписывать успех или провал врожденным, не поддающимся развитию способностям. Они считают свои способности к тому или иному виду деятельности или науке *заданной и неизменной величиной*. Дети, наученные мыслить в духе теории приращения, используют другой подход — назовем их сторонниками *теории обучения*. Они склонны высказываться примерно так: «Я это усвоил, потому что упорно трудился» или «Мне следовало приложить больше стараний». Ребенок, воспитываемый в духе этой теории, считает, что при условии упорного труда можно освоить даже трудный материал, что, шаг за шагом *приращивая* свои знания, новичок может достичь уровня мастера.

Исследование доктора Двек показало, что сторонники теории обучения имеют гораздо больше шансов повысить уровень своей компетентности, в то время как сторонники теории заданности более склонны отказаться от попыток добиться поставленной цели. Дети, ассоциирующие успех с упорным трудом, попав в сложную ситуацию, демонстрируют ориентацию на овладение необходимыми знаниями в отличие от детей, считающих себя просто умными или глупыми, а также способными или неспособными на что-то. Вторые ориентированы на выученную беспомощность¹.

¹ Выученная беспомощность — нарушение мотивации в результате пережитого субъектом чувства неподконтрольности ситуации, когда результат не зависит от прилагаемых усилий. Впервые описана американскими психологами Мартином Селигманом и Стивеном Майером. *Прим. ред.*

В одном на удивление глубоком исследовании с группой детей было проведено интервью, и в зависимости от результатов их разделили на сторонников теории обучения и сторонников теории заданности. Детям предложили решить ряд простых математических задач, с которыми все они успешно справились. Затем им предложили ряд очень сложных задач — слишком сложных для их возраста. Стало ясно, что сторонники теории обучения скорее взволнованы шансом отличиться, в то время как сторонники теории заданности обескуражены. Комментарии варьировались от «Ребята, ну теперь-то уж точно стоит постараться!» до «Я не настолько умен, чтобы с этим справиться». С этими задачами не справился никто из участников эксперимента, но очевидно, что при этом они приобрели совершенно разный опыт. Тем не менее самым интересным оказался третий этап исследования: всем детям еще раз предложили решить простые задачи, аналогичные тем, которые предлагались на первом этапе. Практически все сторонники теории обучения легко справились с заданием, а вот сторонники теории заданности были настолько подавлены своим провалом на предыдущем этапе, что многие из них не сумели справиться с легкими задачами. Их уверенность в себе оказалась подорвана.

Очевидно, что результаты детей никак не связаны с их интеллектуальным уровнем. Очень способные дети, воспитанные в соответствии с теорией заданности, оказываются намного менее стойкими в ситуации вызова, чем далеко не такие способные дети, воспитанные в духе теории обучения. По сути дела, наиболее способные дети больше всего страдают от чувства беспомощности, поскольку им необходимо поддерживать свой перфекционистский имидж и добиваться результата, а в ситуации вызова очень легко потерпеть поражение. Как человек, наблюдавший за очень многими талантливыми юными шахматистами, могу подтвердить справедливость вышеприведенных утверждений: некоторые очень одаренные шахматисты плохо переносят пресинг и хуже восстанавливаются после поражения.

Но каким же образом эти теории интеллекта отпечатываются в нашем мозгу? Иногда вроде бы незначительные отличия в стиле обучения или воспитания приводят к появлению колоссальных отличий в результате. Сторонникам теории заданности

обычно в детстве говорили, что они действовали хорошо, если добивались успеха. Если же они терпели неудачу, то им заявляли, что они на это не способны. Представим, что ребенок получает высший балл за тест по математике, приходит домой и слышит: «Вот это да! Вот это мой сын! Какой же ты у меня умный!» На следующей неделе Джонни проваливается на тестировании по английскому языку и слышит: «Что с тобой случилось? Ты что, читать не умеешь?» или «Твоя мамочка никогда не любила читать — наверное, и тебе это не дается». Мальчик делает вывод, что у него есть способности к математике и нет — к английскому, и, что еще хуже, связывает свои оценки по обоим предметам с наличием или отсутствием врожденных способностей. В противоположность этому сторонники теории обучения получали отклики, ориентировавшие их не на результат, а на процесс. Хорошо написавшей эссе по английскому языку девочке учительница может сказать: «Отличная работа, Джули! Ты становишься настоящей писательницей! Продолжай в том же духе!» Если она плохо выполняет тест по математике, учительница может написать в тетради: «Если постараться немного больше, то в следующий раз сдашь тестирование хорошо. Если что-то непонятно, обращайся за консультацией после уроков — я для этого здесь и нахожусь!» Джули учится связывать упорный труд с успехом и понимает, что, приложив достаточно усилий, может стать первой ученицей по любому предмету. Учеба представляется ей увлекательным путешествием, а учительница — благожелательным помощником, способствующим ее росту. Джонни считает, что математика ему дается, а английский язык нет, поэтому он сосредотачивается на том предмете, который способен обеспечить большие дивиденды в краткосрочной перспективе. Но что произойдет, если он вдруг хуже обычного напишет особенно сложный тест по математике? Можно ли сказать, что он готов правильно отреагировать на вызовы, которые неизбежно будут появляться на его жизненном пути? Вряд ли.

Очевидно, что родители и учителя несут огромную ответственность за формирование подхода к обучению у детей и студентов, причем менять это отношение никогда не поздно. Очень важно понять, что подход к обучению всегда можно совершенствовать. Некоторые исследования свидетельствуют о том, что

дети способны буквально в течение нескольких минут усвоить, какой подход к обучению будет наилучшим в конкретной ситуации. В частности, во время одного из таких исследований детям дали разные указания относительно того, в чем состоит цель их работы. Одним сказали, что решение тех или иных задач поможет лучше справиться со школьными заданиями в будущем, а другим — что их работа будет оцениваться по результатам. Иными словами, половине детей дали ориентированные на овладение, а половине — ориентированные на культивирование беспомощности инструкции. Стоит ли говорить, что первая группа детей справилась с заданиями намного лучше.

Как же все это влияет на нашу повседневную жизнь? Самым непосредственным образом. Залог успеха в достижении совершенства — освоение естественного долгосрочного процесса обучения и отказ от существования в скорлупе безопасной и статичной посредственности. История говорит, что прогресс всегда достигается за счет отказа от комфорта и безопасности. Поведение рака-отшельника представляет собой яркий пример рисков, связанных с прогрессом (хоть и без связанных с этим психологических трудностей). По мере того как рак растет, ему требуется раковина больших размеров. Тогда медленное и неуклюжее создание пускается на поиски нового дома. Если подходящее убежище не удастся обнаружить достаточно быстро, наступает драматический момент. Мягкое создание, привыкшее находиться под броней твердого панциря, оказывается в бурном мире, полном хищников, без всякой дополнительной защиты. Фаза обучения, приходящаяся на период поиска новой раковины, как раз и порождает ускоренный рост. Возможно, кто-то из приверженцев теории заданности попытается действовать, как анорексичный рак, моря себя голодом, чтоб только не расти и не отправляться на поиски новой раковины.

Судя по моему опыту, успешные люди всегда ставят перед собой цели на пределе возможного, идут на риск в каждой очередной битве и в итоге обнаруживают, что уроки, извлеченные в процессе стремления к совершенству, намного более ценны, чем немедленные трофеи и слава. В долгосрочной перспективе болезненные потери могут принести гораздо больше пользы, чем иные победы. Люди, вооруженные правильным подходом к ситуации

и способные извлекать полезные уроки из любого жизненного опыта, позитивного и негативного, чаще всего дальше других продвигаются по дороге, ведущей к успеху. Кроме того, они еще и счастливее других. И, конечно же, наиболее серьезным вызовом бывает необходимость помнить об этой долгосрочной перспективе, когда стоишь под огнем и страдаешь от ран в самый разгар битвы. Возможно, это наше самое большое испытание, но умение его выдержать — и есть суть искусства обучения.

Теперь давайте вернемся в мир юношеских шахмат и рассмотрим составляющие моего раннего успеха. Я уже говорил о том, что мы с Брюсом уделяли особое внимание разбору эндшпилей, в то время как большинство игроков тщательнее изучают дебюты. С точки зрения теории заданности или теории обучения, я хотел бы более подробно рассказать о том подходе, который мы использовали.

Возвращаясь к тем дням, я опять вижу себя, шустрого шестилетнего мальчишку. Завоевав мое доверие, Брюс начал наши уроки с почти пустой доски. Мы разбирали несложные позиции с легко предсказуемым исходом. Сначала рассмотрели ситуацию, когда король остается против короля и пешки соперника — всего лишь три фигуры на доске. С течением времени я интуитивно понял, насколько мощная фигура король и насколько коварными могут быть пешки. Я усвоил принципы противодействия, скрытый потенциал пустого пространства на доске, а также идею цугцванга (принуждение оппонента к занятию такой позиции, в которой он любым ходом ухудшает свое положение). Кирпичик за кирпичиком мы формировали мои знания и понимание того, как *трансформировать теоретические аксиомы в источник творческого вдохновения*. Затем начали разбирать эндшпили с ладьями, слонами, конями. На это ушли сотни часов. Тем временем мне исполнилось семь, а потом и восемь лет. Мы разбирали принципы ведения партий, которые мне, возможно, никогда не придется сыграть. Этот метод обучения помог мне осознать восхитительные свойства каждой шахматной фигуры, поскольку в относительно простой позиции можно было сосредоточиться только на том, что по-настоящему важно. Одновременно я шаг за шагом усваивал блестящую методику

обучения — одновременное использование знаний, интуиции и творческих способностей. И с методической, и с технической точек зрения я начал обучение с самых основ.

В противоположность этому, большинство моих соперников начинали изучать шахматы с дебютных позиций. На эту тему существует множество теорий, начинающих обучение с рассмотрения исходной для всех партий шахматной позиции. Разумеется, весьма соблазнительно прямо сразу начать изучение дебютов, поскольку в этой фазе игры существует множество скрытых ловушек и замаскированных «мин», дающих возможность быстро и легко выиграть, — то есть, по сути, выиграть, даже не начав бороться за победу. На первый взгляд, новичку должно казаться логичным начать обучение именно с той позиции, которую он постоянно будет наблюдать на доске в начале партии. Почему бы не начать сначала, тем более что это ведет к быстрой победе? Ответ на этот вопрос может показаться несколько туманным. Если вы начинаете с изучения дебютов, у вас уже нет пути назад. На заучивание и разбор постоянно увеличивающейся в объеме «энциклопедии шахматных дебютов» может уйти несколько жизней. Это превращается в пагубную привычку, оказывающую весьма негативный психологический эффект, которую можно сравнить с привычкой красть ответы на задание по математике со стола учителя, вместо того чтобы выучить материал. Может быть, вам и удастся сдать тест, но вы уж точно ничему не научитесь и, что еще более важно, никогда не поймете всей прелести процесса изучения чего-либо. Дети, которые слишком рано начинают изучать дебюты, видят в шахматах только результат и сроки. Не имеет значения, насколько хорошо ты играл, смог ли сконцентрироваться на задаче или проявил ли необходимую смелость. Такие дети рассуждают о мате за четыре хода и спрашивают друг у друга: «За сколько ходов ты выиграл?» Шахматы становятся одномерными: главное — выиграть, и выиграть быстро.

Дети, начинающие изучение шахмат с разбора дебютов, склонны усваивать теорию заданности интеллекта. Все их разговоры с учителями, тренерами, родителями и сверстниками посвящены результатам, а не усилиям. Они считают себя победителями только потому, что до сих пор всегда выигрывали. В школе они в первую очередь учат те предметы, что им легко

даются, игнорируя при этом те дисциплины, с которыми возникают трудности. На игровой площадке, если они промахиваются мимо ворот или выбивают мяч в аут, зачастую можно услышать знаменитое «Да не очень-то я и старался».

Как-то раз в Аризоне я читал лекцию о шахматах и давал сеанс одновременной игры¹ для большой группы юных шахматистов и их родителей. Организатор сеанса встретил меня в аэропорту и по дороге похвастался, что его сын уже более года не проигрывает шахматных партий. Очевидно, это был рекорд, которым гордилась вся семья. Я сразу понял, с кем мне предстоит встретиться — с классическим анорексичным раком-отшельником. И правда, мальчик оказался небесталанным шахматистом, считавшимся лучшим в своей школе. Он выучил несколько быстрых атак в дебюте и от природы обладал интуитивным пониманием основ шахматной тактики. Конечно, он рано начал выигрывать у своих оппонентов и слышать неумеренные похвалы по поводу своего гения. В результате парень отказывался играть с кем бы то ни было вне узкого круга своих друзей и оппонентов, скромные способности которых он знал (его любимым партнером по шахматам был отец, весьма посредственный игрок, не способный создавать какие-либо трудности на доске). В глазах школьных друзей парень выглядел просто шахматным богом, но ему было очень далеко до серьезно занимавшихся шахматами юных игроков. Это классический пример большой рыбы в маленьком пруду, причем ему такой статус очень нравился. На протяжении моего визита парень всячески уклонялся от встречи за шахматной доской. Он не захотел участвовать в сеансе одновременной

¹ Сеанс одновременной игры — это мини-турнир, в котором один более сильный игрок состязается одновременно со многими соперниками. Когда я даю сеанс одновременной игры, потенциальные соперники обычно предварительно проводят отбор сильнейших для игры со мной. Затем 20 или 50 шахматных досок устанавливаются по периметру банкетного зала или холла, а я хожу от доски к доске в центре зала, в то время как мои соперники сидят каждый за своим столом и играют только одну партию. Когда я подхожу к очередной доске, сидящий за ней игрок делает свой ход, я делаю ответный ход и перехожу к следующей доске. Сеансы одновременной игры представляют собой прекрасный случай продемонстрировать понимание игры и навыки визуализации для сильного игрока.

игры и оказался единственным ребенком в аудитории, упорно отказывавшимся прислушаться к моим рекомендациям. Его беспроегрышная серия и бесконечные разговоры об этом заставили его замкнуться — ведь так страшно разрушить имидж перфекциониста. Мальчика буквально парализовала глубоко внедрившаяся в сознание теория заданности.

Многие такие дети действительно талантливы, поэтому сначала добиваются успеха благодаря природным способностям, но затем они сталкиваются с большими проблемами. По мере того как партии становятся все более напряженными, а оппоненты начинают оказывать серьезное сопротивление, они теряют интерес к шахматам. Они уклоняются от рискованных встреч, но рано или поздно реальный мир настигает их. Их уверенность в себе зиждется на очень зыбкой почве. Проигрыш для них — всегда трагедия, а не толчок к дальнейшему творческому росту: ведь если они были победителями, когда выигрывали, значит, проиграв, автоматически превращаются в неудачников.

Долгосрочное влияние дебютного сумасшествия объяснимо, однако у юных игроков, выросших в подобном окружении, есть и другие серьезные недостатки. В карьере всегда чередуются подъемы и спады; иногда может случиться неожиданный провал в одной отдельно взятой игре. Большинство моих первых соперников были одаренными детьми, изучившими разнообразные ловушки и приемы в шахматах и готовыми им противостоять. Играть с такими соперниками — все равно что прогуливаться по минному полю, но я и сам был не промах, поэтому большинство ловушек удавалось своевременно обнаруживать и обходить. Зачастую я разыгрывал дебют не совсем удачно, но в дальнейшем брал игру под контроль. Чем дальше продвигалась игра, тем менее уютно чувствовали себя соперники, покинувшие зону максимального комфорта, и тем увереннее играл я. Они хотели выиграть еще до начала игры, а я любил борьбу, составляющую суть шахмат. В краткосрочной и долгосрочной перспективе эти ребята пострадали от искусственных ограничений, налагаемых на них учителями.

Проблема мира шахмат состоит в том, что многие тренеры работают с постоянно обновляемым составом талантливых учеников. Эти дети — как сырье на фабрике. Каждый год

от преподавателей ожидают хороших результатов, поскольку иметь шахматную команду с высоким национальным рейтингом весьма престижно для школы. Поэтому готовится легион тактически одаренных и искалеченных теорией заданности ребят, до зубов вооруженных дебютным репертуаром. Не имеет значения, переживут ли они кризис в седьмом классе, поскольку для тренера особое значение имеют младшие классы, которые регулярно обновляются. Очевидно, ответственность за решение этой проблемы и выбор подходящего учителя ложится на родителей.

Для иллюстрации различий между теорией заданности и теорией обучения я приводил примеры из шахматного мира, но эти правила универсальны для любого дела, в котором люди стремятся достигнуть совершенства. Если юного баскетболиста учат, что победители должны выигрывать всегда, то он получит моральную травму, пропустив первый же мяч в свою корзину. Если гимнаст или солист балета считает, что вся его ценность заключается в стройном тренированном теле и постоянной готовности к выступлению, то как ему пережить травму и продолжать жить после завершения неизбежно короткой карьеры. Если бизнесмен культивирует перфекционистское представление о себе, как ему удастся извлечь пользу из собственных ошибок?

Оглядываясь на собственную шахматную карьеру, я помню поражения вместе с извлеченными из них уроками. Я помню, как проиграл свой первый национальный чемпионат Дэвиду Арнетту. Помню, как меня буквально снес с доски старый соперник в неожиданно стремительном плей-офф чемпионата США среди молодых игроков (до 21 года) — ровно за год до того, как я с большим преимуществом выиграл это соревнование. Затем был финальный круг чемпионата мира по шахматам для игроков моложе 18 лет в Сегеде в Венгрии. Я играл за титул чемпиона на первой доске против русского — оставались считанные шаги до реализации мечты всей жизни. Русский предложил ничью — шанс разделить первое место. Мне оставалось только пожать сопернику руку, но я отказался, надеясь победить, — и проиграл! Эти моменты моей жизни наполнены болью, но одновременно они же становились точкой отсчета для новых свершений. Неудачи учили меня побеждать. Но именно усвоенная во время первых шахматных уроков в шестилетнем возрасте любовь к учению не давала мне сбиться с пути.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

